

**ПРОБЛЕМА ПУБЛИКАЦИИ
СФРАГИСТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ. НА ПРИМЕРЕ
МНОГОПЕЧАТНЫХ ДОКУМЕНТОВ**

Искусство археографического издания – это ничто иное, как навыки подготовки эквивалентов исторических источников, которые как нельзя лучше замещают сами оригиналы в исследовательском процессе. Это очень не простое искусство, поскольку каждый источник кроме своего содержания имеет также форму, по которой историки также могут делать выводы и точная передача которой с помощью слов есть сложная процедура, если она вообще возможна¹.

То, что сказано выше, полностью касается письменных источников. Но ведь не только они используются историками. Специфические проблемы порождают издания звуковых материалов, транскрипция которых не решает проблемы, как и картографических и иконографических материалов. Хотел бы остановиться на последних, поскольку они касаются проблемы археографического издания печатей. Иконографические источники оперируют другим, нежели письменные источники, кодом, что означает следующее: все попытки «перевода» с одного кода в другой (то есть с иконографического, образного на описательный) заканчиваются, с одной стороны, потерей части информации, с другой, такой «перевод» сразу набрасывает определенную интерпретацию сообщения.

Сложность информационной структуры сфрагистического материала как источника является причиной большинства издательских проблем. Прежде всего, в записи информации, которая переносится через печати, использовали разные коды: естественный, который составлялся с иконографических знаков и условный, то есть разного рода надписи. Но это еще не все, поскольку определенное значение имеют размеры, формы печати, а также цвет воска, в котором выполнен оттиск, или шире – способ оттиска и прикреплении печати к документу². Все это собрание раз-

¹ J. Tandecki, K. Kopiński, *Edytorstwo źródeł historycznych*, Warszawa 2014, s. 13–15.

² M. Hlebionek, *O pieczęciach starosty generalnego Wielkopolski Adama Sędziwoja Czarnkowskiego*, «Archiwa.Kancelarie.Zbiory», nr 2 (4), 2011, s. 27–45; Idem, *Pieczęć jako obiekt archiwalny. Wybrane problemy*, w: *Toruńskie konfrontacje archiwalne*, t. II, *Teoria archiwalna wczoraj-dziś-jutro*, red. W. Chorążyczewski, A. Rosa, Toruń 2011,

ных форм кодирования информации должно найти свое отображение в археографическом издании. Попытки разрешить эти проблемы были и есть различные, составляя равнодействующую, учитывающую, с одной стороны, характер издания, а с другой – технические возможности, характерные для времени, в котором такое издание появлялось. Отдельным вопросом, касающимся археографических публикаций именно печатей, есть передача контекста функционирования печатей. В случае с древними печатями, известными в единичных экземплярах, это не составляет проблемы. Она появляется при исследовании печатей позднего Средневековья или Нового времени, когда оттиски, сделанные одной матрицей, могут выступать при документах разного рода, или вообще без документов (хотя бы как средство закрытия реликвий)¹, то есть в разных контекстах. В среде польских археографов сегодня определяющей является инструкция описания печатей, разработанная Международным советом архивов², модифицированная издателями таким образом, чтобы привести в соответствие со спецификой обработанного материала³. В свою очередь на Западе Европы, где присутствуют стабиль-

s. 311–315; Idem, *Pieczęć jako system informacyjny. Przykład polskich pieczęci królewskich*, «Сфрагистичний щорічник», Вип. III, Київ 2012, s. 173–189.

¹ M. Hlebionek, *Okруchy dziejów*. Archiwum parafii katedralnej św. Jana Chrzciciela i św. Jana Ewangelisty w Toruniu, w: *Dzieje i skarby kościoła świętojańskiego w Toruniu*, red. K. Kluczwajd, M. Woźniak, Toruń 2002, s. 423–424.

² Проект указаний: R.-H. Bautier, *Projet de regles pour l'établissement de notices descriptives de sceaux*, w: *Diplomatica et sigillographica. Travaux preliminaires de la Commission international de la diplomatie et de la Commission international de sigillographie pour une normalisation international des éditions de documents et un vocabulaire international de la diplomatie et de la sigillographie*. *Folia caesarogustana*, t. 1, Saragossa 1984, s. 97–109. Окончательная версия указаний: *Vocabulaire international de la sigillographie*, red. S. Rocci-Noe, Roma 1990, s. 19–34; см. также перевод этого словаря на польский, чешский, словацкий и венгерский языки (с терминами, в частности, на белорусском языке): *Vocabularium internationale sigillographicum*, red. K. Müller, L. Vrtel, M. Hlebionek, V. Keresztes, tłum. na j. pol. B. Jusypenko, oprac. M. Hlebionek, A. Baniecki, D. Bednarek, R. Forysiak-Wójciński, J. Grabowski, P. Gut, P. Pokora, D. Żygadło, Bratislava 2016, s. 73–85.

³ См., напр.: *Dokumenty strony polsko-litewskiej pokoju melneńskiego z 1422 roku*, wyd. P. Nowak, P. Pokora, Poznań 2004, s.VIII; T. Kałuski, *Pieczęcie cechów na ziemiach księstwa głogowskiego do połowy XIX wieku*. *Geneza i symbolika*, Warszawa 2013, s. 115–117; I. Matejko, *Książęta, pieczęcie i władza. Studium ze sfragistyki Piastów legnicko-brzeskich*, Warszawa 2016, s. 97–98; *Pieczęcie przy dokumentach Związku Pruskiego*, wyd. M. Hlebionek, Toruń 2017, s. 47–48.

ные фундаменты сфрагистики и традиционные издательские методы, ищут способы передачи в публикации более полного контекста (контекстов) издаваемого материала¹.

Для большинства сфрагистов документ со многими печатями – это прежде всего капитальное собрание оттисков, относительно легких для исследования, поскольку они собраны в одном месте, но в то же время имеют сразу определенную хронологию и контекст. Одновременно все (вновь имею в виду здесь сфрагистов) интуитивно понимают этот достаточно часто встречаемый термин. Тем не менее, готовя данный текст, автор спросил нескольких коллег, как они понимают это. Полученные ответы составили целый спектр решений: от документа с двумя прикрепленными печатями до четко не определенного – «большое количество печатей». Поиск в литературе тоже не дал удовлетворительного ответа на вопрос, как следует понимать термин «документ с рядом печатей». Сами сфрагистические публикации не уточняют этого понятия², более того, имеет место синонимическое понятие совместного прикрепления печатей к документу (относительно документа совместно опечатано-го)³, а в последнее время – документа, который многократно скреплялся печатями⁴. Эти два выражения представляют отображение западноевропейской терминологии, где определение «документ со многими печатями» либо не функционирует вообще, либо функционирует эпизодически, а описывается там скорее как явление многократного опечатывания (*scellage multiple* (fr), *multiple sealing* (eng)) или совместного опе-

¹ См. напр.: В. Marne -Kuühl, *Mittelalterliche Siegel der Urkundenfonds Mariental, Corpus sigillorum von Beständen des Staatsarchivs Wolfenbüttel*, Bd. 1, Quellen und Forschungen zur braunschweigischen Landesgeschichte, Bd. 42, Braunschweig 2006, ss 685; В. Klössel-Luckhardt, *Mittelalterliche Siegel des Urkundenfonds Walkenried, Corpus sigillorum von Beständen des Staatsarchivs Wolfenbüttel*, Bd 2, Veröffentlichungen der historischen Kommission für Niedersachsen und Bremen, Bd 288, Göttingen 2017, ss 877 и рецензия первой из работ, автором которой был Т. Дидерих (Т. Diederich); *Frische Brise für die Siegelforschung. Überlegungen zu einer neuartigen Siegelpublikation*, «Herold-Jahrbuch», NF, 13, 2008, s. 9–23.

² К сожалению, в публикациях, касающихся консервации архивных материалов, многопечатный документ выступает как антиномия однопечатного документа. *Zob. Zasady postępowania z materiałami archiwalnymi. Ochrona zasobu archiwalnego*, opr. M. Borowski, A. Czajka, A. Michaś, Warszawa 2011, s. 53.

³ М. Haisig, *Sfragistyka ogólna*, в: М. Gumowski, М. Haisig, S. Mikucki, *Sfragistyka*, Warszawa 1960, s. 99–101.

⁴ *Vocabularium*, s. 165, nr 66.

чатывания (Mitsiegelung)¹. Международный сфрагистический словарь ограничивается на этот счет определением понятия многократного опечатывания (совместное опечатывание), не фиксируя категории многопечатного документа². Этого термина не знает также Международный словарь дипломатики³. Оставляя в стороне детальное терминологическое размышление⁴, нужно подчеркнуть, что уже сама конструкция выражения «многопечатный» подсказывает, что под ним следует понимать что-то, снабженное очень большим количеством печатей. Что же это такое: большое количество печатей? Это сложно определить. Думаю, что точкой отсчета можно принять обычаи, существовавшие в конкретной эпохе, канцелярии или – шире, на данной территории. Потом имели бы мы здесь дело с особенной формой документа, со много-разовым опечатыванием, которые выходят за эти нормы. Давая себе отчет в том, что эти выше представленные объяснения понятия тоже не являются очень четкими, мне кажется, что дальнейшие попытки их более детального определения толкали бы нас в сторону расплывчатых размышлений: многопечатный документ – это документ с двумя, восьмью или двенадцатью печатями. Одновременно следует отметить, что не каждый пергаментный или бумажный документ, снабженный многими оттисками печати, должен быть многопечатным документом. Оговаривая явление многопечатности, автор известного учебника дипломатики Гарри Бресслау ссылается на пример епископского циркуляра, на котором некоторые священники ниже своих примечаний об ознакомлении с его содержанием, оставляли оттиски своих печатей⁵. С подобными документами встречаемся также в практике функционирования консисторов. Дело в том, что эти исполнительные примечания следует понимать как особые документы (имеющие декларативный характер), за-

¹ См. составление соответствующих терминов в: *Vocabularium*, s. 166, nr 66 zob. тоже: *Dictionaire de sigillographie pratique*, ed. A. Chassant, P.-J. Delbarre, Paris 1860, s. 12; 125–127; W. Ewald, *Siegelkunde*, Munchen–Berlin 1914, s. 49–50.

² *Vocabularium*, s. 165, nr 66.

³ *Vocabulaire international de la diplomatie*, éd. M. Milagros Cárcel Ortí, València 1997, *passim*.

⁴ Представил его в выступлении под названием Многопечатный документ глазами сфрагиста. Избранные примеры, которое состоялось на конференции «Источник – источниковедение – вспомогательные исторические дисциплины», (Варшава, 9 марта 2018 г.)

⁵ H. Bresslau, *Handbuch der Urkundelehre für Deutschland und Italien*, 1. Bd, Leipzig 1889, s. 961–962, прим. 6.

веренные особенными оттисками печатей. В таком случае мы имели бы дело не с многопечатными документами, а с собранием документов «с одной печатью», написанных на одной странице. С таким явлением встречаемся время от времени также в других случаях (документы отпущения грехов имеют исполнительные примечания местного епископа с его печатью¹ или расширения [как правило позже] содержания документа, записанные на той самой странице и снабженные отдельной печатью)². Какое бы количество печатей при каждом документе не было, это не должно вести к сомнению в многопечатности.

Следствием принятия предлагаемого выше понимания многопечатного документа будет понимания такой категории дипломов, которые выходят за определенные нормы, как что-то необычное: сфрагистическо-дипломатический феномен.

Фактически в этом нет ничего нового, поскольку документы, снабженные необычайным количеством печатей уже инвентари средневековых архивов называли понятием особенных (*notabilis*) или достойных восхищения (*mirabilis*)³. Такой подход несет с собой некоторые следствия. С исследовательской точки зрения этот феномен может иметь больше чем один «уровень»: явления многопечатных документов вообще, но и, как уже отмечали, феноменом будет каждый единичный многопечатный документ, что уже составляет его уникальность, иногда очень далеко идущую.

С археографической точки зрения к проблемам, связанным с публикацией отдельных оттисков, относится необходимость передачи в публикации специфики многопечатного документа. Ниже остановлюсь на проблемах, с которыми столкнулся, работая над подготовкой издания многопечатных документов польско-литовской стороны и крестоносцев мирного договора 1435 г. и эрекционных Прусского Союза 1440 г. Они выбраны намеренно, поскольку представляют два совершенно разных подхода к проблеме издания источников этого типа. В случае с брестским трактатом, кроме сфрагистических материалов, в публикации бу-

¹ Zob. np. Archiwum Państwowe w Toruniu, Kościół Najświętszej Maryi Panny, sygn. 1 [1476];

Klasztor benedyktynek toruńskich, sygn. 16 [1498].

² См., напр.: Archiwum Państwowe w Bydgoszczy, Klasztor kanoników regularnych w Trzemesznie, sygn. 53.

³ O. Guyotjeannin, «Capito sigilli». Note sur le sceau de majeste du roi d France Chalres V, в: La justice royale et la parlement de Paris (XIV–XVII siècle), ed. Y.-M. Berce, A. Soman, Paris 1995 (= Bibliothéque l'Ecole des Chartres, t. 153) , s. 450.

дут также критически изданные тексты самих документов. В случае эрекционного акта Прусского Союза сконцентрировано внимание на издании печатей, без текстов самого документа.

Оба подхода имеют свои плюсы и минусы. Первый позволяет создание полного эквивалента источника как целостности. Второй делает возможным концентрирование на его сфрагистическом аспекте и проведение углубленного исследования над ним.

Документы брестского мира. Группа многопечатных документов мирных договоров, подписанных Польшей, Великим Княжеством Литовским и Орденом Крестоносцев, есть специфическим собранием. Об этом говорит количество таких документов, произведенных теми самыми канцеляриями на протяжении короткого промежутка времени. Анализируя собрания этих документов, нужно помнить, что они являются результатом договоренностей между сторонами трактата, что де факто было причиной того, что письменные материалы дают отображение «перекрещивания» обычаев, общих для обеих канцелярий¹.

Мир, подписанный в Бресте Куявском 31 декабря 1435 г., положил конец конфликту между Польшей, Литвой и Орденом Крестоносцев, начавшемуся в 1431 г.² В Бресте переговорщики с обеих сторон кон-

¹ Дипломатически-сфрагистическая проблема, связанная с мирными трактатами, которые подписывали между собой Польша, Литва и Орден Крестоносцев, имеет огромную литературу. С нашей точки зрения к наиболее важным работам следует отнести: M. Grzegorz, *Analiza dyplomatyczno-sfragistyczna dokumentów traktatu toruńskiego 1466 r.*, Toruń 1970; K. Neitmann, *Die Staatsverträge des Deutschen Ordens in Preußen 1230–1449. Studien zur Diplomatie eines spätmittelalterlichen deutschen Territorialstaates*, Köln–Wien 1986; P. Nowak, *Pieczenie przy polskim dokumencie wstepnym pokoju toruńskiego z 1466*, «Roczniki Historyczne», т. 67, 2001; Idem, *Dokumenty pokoju w Raciążku 1404 r.*, «Studia Źródłoznawcze», т. 40, 2002, s. 57 i n; idem, *Dokumenty II pokoju toruńskiego z 1466 roku*, «Studia Źródłoznawcze», т. 43, 2005; A. Szweđa, *Organizacja i technika dyplomacji polskiej w stosunkach z zakonem krzyżackim w Prusach w latach 1386–1454*, Toruń 2009; Idem, *Uwagi o dokumentach rozejmowych i pokojowych z okresu wojny 1409–1411*, «Zapiski Historyczne», т. 75, 2010, z. 2.

² Этот конфликт синтетически представил: M. Biskup, *Wojny Polski z Zakonem Krzyżackim (1308–1521)*, Gdańsk 1993, s. 143–199; ср. также: A. Lewicki, *Powstanie Świdrygiełły. Ustęp z dziejów unii Litwy z Koroną*, Kraków 1892; J. Matusas, *Švitrigaila Lietuvos didysis kunigaikštis*, Kaunas 1938 (wyd. II – Vilnius 1991), s. 34–146; C. A. Lückcrath, *Paul von Rusdorf. Hochmeister des Deutschen Ordens 1422–1441*, Bad Godesberg 1969, s. 123–133, 146–164; M. Biskup, *Polityka zewnętrzna*

фликта представили вступительные документы, в то же время подготовка главных документов продолжалась несколько месяцев. Приложение печатей к документу польско-литовской стороны имело место во время общего съезда в Серадзе 4 марта 1436 г., аналогичная процедура со стороны Ордена продолжалась дольше; известно, что еще в мае 1436 г. не было всех нужных печатей. Обмен главными документами окончательно наступил 1 августа 1436 г. в Торуни¹.

Сберегаемый в *Deutschordens-Zentralarchiv* в Вене² главный документ мирного соглашения, представленный польско-литовской стороной, имеет шитую форму, ребро которого сформировано по образцу рулона, обвязанного связками печатей, которые протянуты через круглые отверстия, вырезанные на страницах в одном ряду, вдоль его края. Следует подчеркнуть, что это было первое употребление такой формы документа в польско-крестоносных трактатах, а все предыдущие имели образец пергаментной страницы.

Связки, на которых привешивались печати, были тонкие и напоминали скорее всего грубые нити, которые не были сплетены в форме шнуров. Согласно нотариальным описям главного документа, содержащихся в трансумпах, они имели белый, красный, черный цвета³. Сегодня они поблекли или запачканы настолько, что практически все их можно оценить как разные оттенки бронзового. Следует подчеркнуть, что в период после архивирования диплома отдельные связки пытались укрепить, дополнительно переплетая черными и белыми нитками⁴. Встречаются случаи повторного подвязывания оттисков, которые отвалились от документа, к концам связок других печатей. Форма шнуров, а может быть также позднейшее действия консерваторов, привели к сильному переплетению связок, и попытка отобразить не только поочередность привешивания отдельных печатей, но и определить их первоначальное количество, фактически невозможно.

zакonu krzyżackiego, w: Państwo zakonu krzyżackiego w Prusach. Władza i społeczeństwo, red. M. Biskup, R. Czaja, Warszawa 2008, s. 244–250.

¹ A. Szweda, Dokumenty pokoju brzeskiego z 31 grudnia 1435 r. – wprowadzenie do tematu, w: Pabaisko mūšis ir jo epocha: straipsnių rinkinys, Vilnius 2017, s. 76–78.

² Wiedeń, *Deutschordenszentralarchiv*, Urkunden, nr 3359.

³ *Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz*, Urkunden, Schiebl. 66, nr 14.

⁴ M. Hlebionek, A. Szweda, *Die Urkunden des Friedens von Brest und ihre Bedeutung für die Siegelkunde und Heraldik – editorische Herausforderungen*, w: *Die Geschichte im Bild. Editions-wissenschaftliches Kolloquium 2015*, hrsg. von H. Flachenecker, K. Kopyński, J. Tandecki, Toruń 2016, s. 87.

Текст документа напоминает о 209 гарантах, которые должны прикрепить печати к диплому. Из них 207 (в том числе выставители) находятся в списке гарантов. Два остальных лица появляются в формуле *datum per manus*. Отсюда выходит, что при акте должны находиться королевская печать, принадлежавшая Владиславу Варненчику, печать великого князя Литовского Сигизмунда и его сына Михала, 3 печати других князей из дома Ольгердовичей, 4 печати мазовецких князей, одна печать князя слупского, 10 печатей представителей епископата, 8 печатей городских и 180 печатей представителей рыцарства. Два из трех известных трансумпта крестоносцев интересующего нас документа не дает точного количества находящихся при них печатей. Первый, выставленный в 1453 г., оценивает их количество как более 200, а следующий, от 1508 г., вообще не вспоминает этого вопроса. Только третий из них, написанный в 1463 г., информирует, что при акте находится 206 оттисков¹. Приняв во внимание возможность уничтожения трех печатей, либо ошибки нотариуса, который пересчитывал оттиски, можно полагать, что начальное количество печатей приблизительно соответствовало количеству гарантов. Следует отметить, что учитывая значительные различия между списком гарантов и сопоставлением распорядителей, которые действительно оставляли свои оттиски на документе, нет уверенности в том, что документ действительно был удостоверен всеми номинальными гарантами. На сегодня сохранились всего 182 оттиски печатей правителей, епископата, рыцарства и городов.

При главном документе, исключая королевскую печать и печати епископата, оттиски были исполнены в натуральном воске с разными оттенками: от коричневого до ясно желтого. Как кажется, печати рыцарства не были оттеснены в шаре воска в печатной миске как подкладки, но непосредственно на куске воска, нижняя часть и края которой позже хранили таким образом полученный оттиск. В случае огромного, как в польских условиях, собрания оттисков печатей при главном документе появляется проблема распознавания очередности привешивания печатей и методики первичной структуризации их собрания. Выше уже указано на действия консерваторов, которые определенно усложняют воссоздание поочередности привешивания печатей. Осмотр диплома позволяет все-таки говорить о существовании общей закономерности. Итак, сохраненные при документе печати правителей и епископата находятся в центре, окружены печатями рыцарства и низшего духовенст-

¹ A. Szweda, Dokumenty pokoju brzeskiego, s. 76–78.

ва, а наиболее крайние места (слева) занимают печати городских гарантов. Основываясь на этом наблюдении, можно принять гипотезу, согласно которой печати наиважнейших лиц привешивали при нашем документе посередине сшитого ребра. Затем центральное место займет, наверное, королевская печать, окруженная с обеих сторон княжескими печатями; позже, к обоим краям страницы наступали оттиски епископских, рыцарских и печатей низшего духовенства, и в конце концов городских печатей (наверное только с одной стороны акта). Предложенная выше реконструкция есть только гипотетическая. Анализ следов воска, оставшегося на оттисках, может указывать на то, что документ сперва был опечатан представителями городов и рыцарства, а только потом к нему были привешены печати, оттесненные в красном воске. К такой мысли подталкивают следы красного воска, оставленные на оттиске печати города Варшавы. Принимая эту гипотезу, можем допустить, что оттиски епископских и королевской печатей, как наиболее важных, завершали целый процесс удостоверения акта.

Также форму прошитого документа имеет главный орденский документ, который находится в Главном архиве древних актов¹. Печати прикреплены к нему шелковыми связками разных цветов, прошивающие в четыре ряда широкий край с левой стороны прошитого документа. Часть из них осталась сплетенной в шнуры, другая – нет, будучи фактически связками нитей. Похоже, как в случае с документом польско-литовской стороны, связки печатей настолько запутаны, что детальная реконструкция очередности прикрепления печатей кажется невозможной².

Перечень гарантов находится в документе и насчитывает 214 персон. Известно, что документ должен был быть скреплен печатью великого магистра, 27 высоких должностных лиц ордена, как центральных, так и прусских и инфлянских, 21 командора (14 прусских и 7 инфлянских), 10 войтов, двух администраторов, 13 вицекомандоров (домашних командоров) и 6 епископов с капитулами их кафедр. Кроме духовенства и должностных лиц печати к документу прикрепили 120 представителей рыцарства и 8 городов. На сегодняшний день сохранилось при нем в сумме 159 оттисков и одна мисочка для печати.

При документе стороны крестоносцев видно значительно большее различие цвета воска, чем при документах польско-литовской стороны.

¹ Archiwum Główne Akt Dawnych w Warszawie, Zbiór dokumentów pergaminowych, sygn. 1011.

² М. Хебйонек, А. Шведда, *Die Urkunden*, s. 88–89.

Для оттисков использован воск в красном, зеленом, черном, естественных цветах. Существенное различие также есть в цветах связок нитей, которые приготовлены в красном, зеленом, голубом и белом цветах. Анализ категорий диспенентов печатей и приписанных им цветов воска показывают, что это было преднамеренное действие, которое имело целью четкое определение принадлежности диспенента к конкретной группе гарантов и подчеркивало этим статус в данной группе¹. Кажется, на это указывает письмо Великого Магистра к прусским городам с рекомендацией доставить на конкретный день в Мальборк печатные матрицы вместе с приготовленными нитями зеленого цвета для их приклепления². Заканчивая, следует подчеркнуть, что сегодняшнее состояние актов указывает на то, что документ стороны крестоносцев был подготовлен более тщательно. Там встречаемся не только с оттисками печатей в восковой массе, из которой сформирована мисочка, но и видим, что сами оттиски исполнены более четко, в то время как при польском документе имеются нечеткие оттиски полей легенды, а иногда и даже поля печати.

Поскольку оба документа издаются вместе, одной из важных издательских проблем, с которой мы столкнулись, готовя их публикацию, был выбор формы. Как правило издатели печатей руководствуются или

¹ В красном воске были сделаны оттиски печатей представителей епископата и высших чиновников ордена. Печати локальных чиновников крестоносцев сделаны в воске естественного цвета или черного. К тому же печати епископов как и крестоносцев привешены к акту на шнурочках красного цвета. На шнурочках этого цвета привесили также печати капитул, хотя эти печати сделаны с воска разных цветов (зеленого, черного, естественного) за исключением красного. Печати рыцарей, оттиснутые главным образом в черном воске, но также и в естественном, были привешены на зеленых, голубых или белых шнурках. Наконец, городские печати, оттиснутые в зеленом воске или естественном, последовательно привешивали на зеленых шнурочках. M. Hlebionek, A. Szweda, *Die Urkunden*, s. 89.

² A. Szweda, *Dokumenty pokoju brzeskiego*, s. 74. С очень похожей структуризацией собрания печатей с помощью цвета воска встречаемся в случае документа крестоносцев – Меленьского договора: W. Ewald, *Siegelkunde*, s. 158; M. Haisig, *Sfragistyka ogólna*, s. 139. K. Neitmann, *Die Staatsverträge*, s. 264, который подчеркивает, однако, что не следует видеть в этом правила. Недавно: M. Hlebionek, *Uwagi o pieczęciach przy dokumentach II pokoju toruńskiego*, w: *Toruń miastem pokoju. II pokój toruński*, pod red. P. Olińskiego, W. Rozynkowskiego, Toruń 2016, s. 76; *Pieczęcie przy dokumentach Związku Pruskiego. Akt erekcyjny i dokumenty akcesyjne*, wyd. M. Hlebionek, Toruń 2017, s. 39.

поочередностью прикрепления печатей к документу, или списком свидетелей¹. В обоих документах следы первичной структуризации собрания оттисков, выполненной их экспонентом, читабельные. Это стало возможным посредством разнообразия цветов воска, а также цветов связок нитей, характерных для той или иной категории диспонентов, о чем выше упоминалось. Несмотря на это, использование первого метода оказалось невозможным из-за переплетения связок нитей, что делало невозможным воспроизведение поочередности привешивания конкретных печатей. Ссылки на поочередность представленных персон в письме гарантов в случае с документом польско-литовской стороны были невозможны, а в случае документа крестоносцев значительно усложнены посредством факта частого присутствия печатей тех, которые не упоминаются среди гарантов. Поэтому пришлось отказаться от полной реконструкции первичной очередности прикрепления и использования штучной системы. Конечно, идеальным было бы, если он был однородным во всем издании и можно было бы его использовать как для печатей гарантов польско-литовской стороны, так и крестоносцев. Препятствовала этому иная социальная структура властей, которые были сторонами трактата. К одному и другому документу печати привешивали представители епископата, рыцарства и городов. Но уже печати князей встречаем только при документе польско-литовской стороны. Специфическими для диплома крестоносцев есть печати должностных лиц (или, лучше сказать, представителей администраций) ордена и кафедральных капитулов. Окончательно размещение каталожных примечаний в публикации будет соотноситься с рангом диспонента: для польско-литовского документа – от королевской печати, через княжеские, епископские, духовенства, рыцарские, до городских; для документа крестоносцев – от епископских печатей, через капитульные, должностных лиц Ордена, рыцарские, по городские. Только в границах каждой группы диспонентов использована система, которая соответствовала поочередности вписывания их в списке гарантов. Исключения составляют рыцарские печати, уложенные соответственно принадлежности к геральдическим родам, с неидентифицированными в конце эмблемами, и в алфавитном порядке в рамках отдельных гербов.

Выше отмечалась проблема частого появления печатей лиц, которых нет среди гарантов. Как своего рода курьез можно привести пример использования печати Андрея из Кокожина, ректора Ягеллонского уни-

¹ См., напр.: *Dokumenty strony polsko-litewskiej pokoju melneńskiego, passim.*

верситета и канцлера королевы Ельжбеты Грановской и казначея Софии Гольшанской, который умер в 1435 г., еще перед заключением брестского мира. Затем его печати должны были использовать третье лица, но состояние знания генеалогических или другого вида связей гарантов трактата делает невозможным определение того, кто мог ими распоряжаться. Наверное, здесь имеем дело с наследованием печати. Имеется подобный случай другого гаранта Пьотра из Бнина, который использовал печать умершего брата Войцеха. Унаследованные печати появляются также при документе крестоносцев, где они легко уловимы. Рыцарь из хелмской земли Августин из Шевна использовал матрицу печати, которую наследовал по отцу Яську¹. Также наследованную печать использовал непосвященный рыцарь Ян из Мгова (von Logendorf)². Можно предположить, что печать отца Ян использовал до конца жизни. Печать отца, Якуба, использовал также Ян Щиборовиц из Кацка. Что интересно, это была одна из двух, унаследованных им от отца, печатей. Другую он использовал в 1440 г. для скрепления ею акта присоединения к Прусскому Союзу³.

Значительная часть печатей, ввиду состояния сохранности легенд, остаются анонимными, что делает невозможным привязывание в конкретным лицам, а те, легенды к которым удалось прочитать, принадлежат к представителям мелкого рыцарства, о котором можно сказать немного. Встречаемся, наконец, с многократным привешиванием оттисков

¹ A. Hryniewicz, Oblicza dziewiętnastowiecznego kolekcjonerstwa sfragistycznego na przykładzie losów pieczęci z aktu rozejmu łęczyckiego, *Rocznik sztuki śląskiej*, t. 22, 2013, s. 143, przyp. 11. Касательно родства между Августом и Яском, см.: K. Bruski, Lokalne elity rycerstwa na Pomorzu Gdańskim w okresie panowania zakonu krzyżackiego. Studium prozopograficzne, Gdańsk 2002, s. 237.

² О генеалогии Мговского, см.: *Związek Pruski i poddanie się Prus Polsce. Zbiór tekstów źródłowych*, pod red. K. Górskiego, Poznań 1949 (далее цит. K. Górski, *Związek Pruski*), s. 239, прим. 18; A. Hryniewicz, *Oblicza*, s. 143, прим. 12. Ян с Мгова упоминается в тестах документа брестского мира и эрекционного акта Прусского Союза (zob. B. Engel, *Die mittelalterlichen Siegel des Thorner Ratharchives*, 2 Theil, Privatsiegel mit Ausschluss der rein polnischen, Thorn 1895, s. 19, Taf. III, nr 210; *Pieczęcie przy dokumentach Związku Pruskiego*, s. 86, nr 16 как рыцарь не посвященный. Тем не менее в легенде его печати есть определение Негг, могущее указывать на посвященного рыцаря. Поскольку отцом нашего Яна был Януш Логендорф, посвященный рыцарь (см.: *Związek Pruski*, s. 239, прим. 18) нужно принять, что к опечатыванию обоих дипломов Януш использовал печать отца.

³ *Pieczęcie przy dokumentach Związku Pruskiego*, s. 222, nr 77.

печатей лиц, которые достаточно хорошо засвидетельствованы в источниках. Указываю на них дважды, в случае Пьотра Корчбока, а в случае Винцента Швидвы с Шамопул даже трехкратно оттиснута печать под документом. В этом случае именно общественная позиция их номинального диспонента сделала невозможным четкое указание, кому именно они одолжены. Эти проблемы, которые появляются вследствие использования чужих печатей, есть, как мне кажется, специфическими для многопечатных документов. В случае дипломов, имеющих меньшее количество оттисков, существенно легче приписать их к конкретному выставителю либо свидетелю.

Выше упоминаемое явление использования печатей мелкого рыцарства приводит к тому, что на печатях часто встречаемся с разнообразием гербов, которых не было раньше. То, что касается печатей прусского рыцарства, об этом пойдет речь ниже. Здесь же акцентирую внимание лишь на те, которые относятся к кругу польской геральдики. На печати, принадлежавшей мазовецкому рыцарю Сасину из Лелек, в щите помещена эмблема, которая являет собой соединение гербов Правджиц и Заремба. Только изучение его генеалогии позволило определить, что его потомки печатались Правджицем.

С этой проблематикой связаны вопросы описания печатей, сохранившихся частично. Как правило в таком случае описывается сохранившийся фрагмент (фрагменты), а для описания всей печати делается отсылка к литературе, которая зафиксировала лучше сохранившиеся экземпляры. Спецификой значительного количества печатей, находящихся при интересующих нас документах есть факт, что это – уникальные экземпляры. Это касается особенно рыцарских печатей.

Документы Прусского Союза. Идея созыва конфедерации городов и рыцарства Крестоносной Пруссии, именуемого позднее Прусским Союзом, родилась около 1438 г. Тогда, против злоупотреблений со стороны властей ордена, представители хелмской земли предьявили поступат созыва на государственном уровне сословной организации¹. Эта идея была реализована два года спустя на сословном съезде, состояв-

¹ К. Górski, Związek Pruski, s. XXX–XXXV; M. Biskup, Jan Cegenberg współtwórca Związku Pruskiego (ok. 1390–1456), «Zapiski Towarzystwa Naukowego w Toruniu», t. 15, 1949, z. 1–2, s. 95; Idem, Gdańsk w antykrzyżackiej opozycji stanów pruskich, w: Historia Gdańska, Gdańsk 1978, s. 581; По мнению М. Гжегожа некоторые из малых городов Померании получили тогда от властей крестоносцев запрет на участие в квидзинском съезде, см.: M. Grzegorz, Pomorze Gdańskie pod rządami Zakonu Krzyżackiego 1308–1466. Bydgoszcz 1997, s. 226.

шемся 13 марта 1440 г. в Квидзине. Власти крестоносцев видели в Прусском Союзе, соединяющем сословную оппозицию, опасность для государства Ордена. Поэтому следующие великие магистры предпринимали попытки раскола организации¹, что в конечном счете привело к ее повороту в сторону Польши. В марте 1454 г. представители Союза представили королю Казимежу Ягеллончику документ, который официально подтвердил вхождение под его власть (6 марта 1454 г.), а король представил акт, которым инкорпорировал Пруссию. Начался затянувшийся военный конфликт, связанный с тринадцатилетней войной, продолжавшейся до 1466 г.²

На квидзинском съезде принят также образец документа присоединения, предназначенного для городов и рыцарства, которые по каким-то причинам не могли опечатать главного документа, но хотели присоединиться к Союзу³. Сам эрекционный документ, как и позднейшие документы присоединения к конференции, были подготовлены в двух экземплярах. По мнению Ирены Янош-Вискуповой, это имело целью защитить документ от потери или уничтожения⁴. Таким образом,

¹ E. Lüdicke, Rechtskampf des deutschen Ordens gegen den Bund der preussischen Stände, «Altpreussische Forschungen», 12 Jg., 1935, s. 22nn; 173nn; K. Górski, Związek Pruski, s. XLVII–LVIII; M. Biskup, Walka o zjednoczenie Pomorza Wschodniego z Polską w połowie XVw., в: Pomorze średniowieczne, red. G. Labuda, Warszawa 1958, s. 345; Idem, Trzynastoletnia wojna z Zakonem Krzyżackim 1454–1466, Warszawa 1967, s. 36; Idem, Gdańsk, s. 589–600; Idem, Der preussische Bund 1440–1454 – Genesis, Struktur, Tätigkeit und Bedeutung in der Geschichte Preussens und Polen, в: Hansische Studien, Bd. III, Bürgertum – Handelskapital – Städtebünde, Weimar 1975, s. 221–225; M. Biskup, G. Labuda, Dzieje Zakonu Krzyżackiego w Prusach, Warszawa 1986, s. 400–401; M. Grzegorz, Pomorze Gdańskie, s. 230–231.

² K. Górski, Związek Pruski, s. LVIII nn; M. Biskup, Trzynastoletnia wojna, s. 37–40; Idem, Gdańsk, s. 600nn; Idem, Der preussische Bund, s. 225; M. Biskup, G. Labuda, Dzieje Zakonu, s. 404nn.

³ Acten der Ständetage Preussens unter der Herrschaft des Deutschen Ordens (dalej cyt.: AST), Bd. II, hrsg. von. M. Toeppen, Leipzig 1880, nr 107, s. 169; P. Oliński, Droga do założenia Związku Pruskiego w Kwidzynie w 1440 r. в: Związek Pruski. Działo się w Kwidzynie w 1440r. Kwidzyn 2016, s. 19; Действительно, того дня задекларировали свое вступление в Союз в Гданьске Тчев и Старогард Гданьский, и на месте соответствующий документ представили Старинный Город Гданьск, Гнев, Хель, Леба, Лемборк, Нове и Пуцк, смотр. M. Biskup: Gdańsk, s. 581.

⁴ I. Janosz-Biskupowa, Archiwum Ziem Pruskich. Studium archiwoznawcze. Warszawa 1974, s. 81.

созданные два комплекта документов очутились в архивах Торуня и Ельблонга. В настоящее время в торуньском собрании, хранящемся в Торуньском архиве, находится экземпляр эрекционного акта Союза и двадцать один акцессионный документ¹. Ельблонское собрание, хранящееся в Государственном архиве в Гданьске, кроме эрекционного документа содержит девятнадцать акцессионных документов². К обоим эрекционным документам привешено семьдесят две печати³. Сохранность печатей в обоих экземплярах достаточно разная. При «торуньском» эрекционном документе находятся исключительно рыцарские печати (42 оттиска) и остатки двух городских печатей. При «ельблонском» экземпляре значительно лучше сохранилась группа городских печатей, насчитывающаяся 14 штук и 28 рыцарских печатей.

Документы Прусского Союза издавна представляли интерес для исследователей⁴. Несколько позже внимание историков начали привлекать находившиеся при документах печати, хотя уже в XVII в. исследователь истории Пруссии Кшиштоф Гарткнох обратил внимание на неслыханное среди торуньских городских архивных материалов количество оттисков, заверявших эрекционный документ Прусского Союза⁵. С развитием геральдических и сфрагистических исследований в XIX в. интерес к этому большому собранию оттисков возрос, а значительная их часть дождалась издания в форме прорисей⁶.

¹ Archiwum Państwowe w Toruniu, Akta miasta Torunia, katalog I, 952.

² Archiwum Państwowe w Gdańsku, Kolekcja dokumentów elbląskich, sygn. VI/1.

³ AST, II, s. 171; IV, s. 324. смотр. также: Archiwum miasta Elbląga. Przewodnik po zespolach 1242–1945., opr. J. Czaplicka, W. Klesińska, Warszawa 1970, s. 69; I. Janosz Biskupowa, Archiwum, s. 138nn

⁴ D. Runau, Historia und Beschreibung des 13 jährigen Krieges in Preussen von 1454 bis 66, Wittembergae 1582 (non vidi); C. Schütz, Historia rerum Prussicarum, Grosse 1599, k. 140–141; K. Górski, Związek Pruski, s. 6nn (там же информация о ранних изданиях); 119nn.

⁵ C. Hartknoch, Alt- und Neues Preussen, oder Preussischer Historien zwey Theile, in derer erstem von desz Landes vorjähriger Gelegenheit und Nahmen... In dem andern aber von desz Teutschen Ordens Ursprung, desselben, wie auch der nachfolgenden Herschafft... mit sonderbahren Fleisz zusammen getragen, Franckfurt am Mayn – Leipzig 1684, s. 312.

⁶ F. A. Vossberg, Münzen und Siegel der preussischen Staedte Danzig, Elbing Thorn, so wie Herzogen der Herzoege der Pommerellen. Berlin 1841; Idem, Geschichte der preussischen Münzen und Siegel von frühester Zeit bis zum Ende der Herrschaft des Deutschen Ordens. Berlin 1843; Idem, Münzgeschichte der Stadt Dan-

Казалось бы, что такой хорошо известный материал не должен породить больших проблем археографического характера. Начало систематических работ, ведущих к публикации, показало, однако, что подготовка их современного археографического издания есть своего рода вызов. Это проистекает, с одной стороны, из принятого очевидного принципа, что издание должно составлять эквивалент оригинального источника. С другой стороны, следует помнить, что оттиск печати, кроме того, что он есть самостоятельной формой трансмиссии информации, составляет элемент большей целостности – документа, который должен был заверять. И именно тот документ, во всей своей сложности, творил контекст, в котором выступает конкретный оттиск. К тому же в случае с документами Прусского Союза мы имеем дело с редкой для польского средневековья ситуацией сосуществования большого количества идентичных и заверенных теми самыми диспонентами оригиналов документов, творящих два отдельных, взаимодополняющих в сфрагистическом аспекте собрания.

Похоже, как в случае с документами трактата, следует начать с определения структуры издания. Было несколько возможностей. Наверное более очевидным, использованным также в предыдущих публикациях интересующего нас материала, была бы схема издания согласно владельцев печати. Она, однако, стирала бы связи между печатями и документами, с которыми они связаны. Поэтому избрано было другое решение: разделить издание на два собрания – существующих и не существ-

zig. Berlin 1852; O. Hupp, Wappen und Siegel der deutschen Städte, Flecken und Dörfer. Hft. I, Ostpreußen, Westpreußen und Brandenburg. Frankfurt a./Main, 1896; M. Gumowski, Herb i pieczęcie, w: Gdańsk. Przeszłość i terażniejszość, Lwów 1928; Idem, Herb i pieczęcie miasta Torunia, w: Dzieje Torunia. Praca zbiorowa z okazji 700-lecia miasta, Toruń 1933; Idem, Najstarsze pieczęcie miast polskich XIII i XIVw., Toruń 1960; Idem, Pieczęcie i herby miast pomorskich. Toruń 1939; Idem, Pieczęcie miasta Grudziądza, «Rocznik Grudziądzki», t. II, 1961; Idem, Handbuch der polnischen Siegelkunde. Graz 1966; B. Engel, Die mittelalterlichen Siegel des Thorner Rathsarchives. 2 Theil, Privatsiegel mit Ausschluss der rein polnischen. Thorn 1895 (далее цит. B. Engel, Privatsiegel) [См. также оценку достижений Б. Энгеля, представленную в работе: Możejko Beata: Stan badań nad sfragistyką Pomorza Gdańskiego w średniowieczu, w: Pieczęcie w dawnej Rzeczpospolitej. Warszawa 2006, s. 225nn]; G.A. von Mülverstedt, Der abgestorbene Adel der Provinz Preussen. Nürnberg 1874; Idem, Nachträge zu Vossberg's Geschichte der Preussischen Siegel, «Zeitschrift des Historisches Verein für den Regierungbezierk Marienwerder», VI. Hft, 1882, Idem, Zur mittelalterlichen Orts- und Adelskunde Westpreussens, «Zeitschrift des Historischen Vereins für den Regierung-Bezierk Marienwerder», Hft XXXIV, 1896.

вующих печатей. В обоих случаях, чтобы сберечь и подчеркнуть отношения оттисков и документов, принято решение ориентироваться на их внутреннюю систематизацию согласно документов, с которыми они связаны. Датирование дипломов избрано элементом, который упорядочивает примечания. Документ таким образом стал ключевой целостностью, группирующей описи сопровождающих его печатей. В границах отдельных документов пытались описям печатей придать систему, соответствующую поочередности привешивания оттисков к дипломам. Вопрос привешивания печатей к главным документам оказался достаточно сложным, поскольку два или три оттиски печати привешены были на одном пергаментном ремне. К тому же очередность печатей не сохранена¹. Например, в списке свидетелей отсутствует Ежы Спырова из Дылева, печать которого была привешена к акту². Это отсутствие последовательности привело к тому, что упорядочивая в рамках издания печати, привешенные к идентичным документам, следовало бы принять в некоторой степени арбитражную систематику, которая, однако, находила бы отображение в самом источнике. Отсюда и отсылка к общему для обоих экземпляров списку свидетелей/гарантов акта. Более того, с целью иллюстрирования различий в привешивании печатей, описи от-

¹ J. A. Kries, *Memoria saecularis diei quo ante hos trecentos annos Prussia excusso tyrannidis cruciferorum iugo in libertatem sese vindicatum ivit ac deinde sub serenissimorum augustissimorumque Poloniae regum imperium ac tutelam concessit regnante feliciter serenissimo ac potentissimo Augusto III*, Erscheinungsort: Thoruni Erscheinungsjahr: 1754, k. C2, przym. c). Zob. też AST, II, s. 174–175, прим. 1, где приведены суждения Крисса.

² Таких мелких непоследовательностей есть больше. На *торунском* экземпляре печать Петраша из Гардын, представителя острудского округа, была привешена среди печатей представителей хелминьской земли, и оттиск печати Оттона Страубэ из Рыну, также из острудского округа, находится на первом ремешке третьего ряда, закрывая собрание рыцарских печатей. При *гданьском* экземпляре, который находится на оторванном пергаментном ремешке, сохраняется вместе с документом, печати Ежи из Джвежина и Мачея из Гунтув были оттиснуты рядом, хотя в тестации имена, а при *торунском* экземпляре оттиски печатей, тех рыцарей разделяет соответственно фамилия и оттиск печати Якуша из Трумей. Аналогичное смещение находим в последовательности привешивания городских печатей при *торунском* экземпляре, где печать Крулевца-Липника была привешена там, где согласно тестации должен находиться оттиск печати Гданьска, и печать Книпавы, занимает место, где согласно списка свидетелей должна находиться печать Нового Города Торуня. Сравни. АРТ, АмТ, kat. I, sygn. 952; APG, Kolekcja dokumentów elbląskich, VI/1.

тисков с документов, заверенных более чем одной печатью, представлены таблицы, в которых мы попытались отобразить поочередность приложения печатей каждого экземпляра данного диплома. Таблицы указывают одновременно разницу в состоянии сбережения оттисков при отдельных документах. Как уже выше сказано, отдельно рассмотрены несохранившиеся печати. Информация о них размещена в конце издания с упрощенным описанием, но всегда с указанием документа, с которым они были связаны. Основу для определения типов, не существующих экземпляров, составляли сохранившиеся следы оттисков, информация о времени, когда эти оттиски еще существовали, реконструированы – опираясь на письменные источники – общие принципы опечатывания акта, и наконец, данные хронологии печатей конкретных диспонентов. Суммарно в каталоге собрана информация о тринадцати типах печатей, оттиски которых находились при эрекционных документах, но не сохранились до нынешних времен. Нужно было обдумать способ издания отдельных сохранившихся экземпляров печатей. Такая потребность вытекала из того, что в приготавливаемом к публикации собрании отдельные документы, и соответственно вислые на них печати, были сделаны в более чем одном экземпляре. Появился соответственно вопрос, нужно ли в издании давать детальные описания всех сохранившихся оттисков, или только описи типов печатей, сфрагистический аналог лахмановского архетипа, который встречается в собрании. Оба метода имеют свои недостатки и преимущества. Издание отдельных оттисков позволило бы четко передать черты каждого памятника, что, однако, приведет к переизбытку данных. С другой стороны, издание типов печатей позволяет избежать дублирования описей, при риске потери информации, специфической для каждого экземпляра. Анализ собрания показал, что оттиски печатей отдельных владельцев, заверяющих документы, входящие в состав обоих комплектов, исходят почти без исключения из тех же самых матриц. Только в двух случаях диспоненты привесили разные печати к торуньскому и ельблонскому документам¹. Эта однородность собрания привела к принятию окончательного решения использовать гибридный метод. Элементы описи пе-

¹ Это касается Мачея Сухостжицкого (Мачея из Люнау), который оттиснул их при главных документах (оттиск одной из них публикует В. Engel, *Privatsiegel*, s. 13, Taf. IV, nr 259) и Мелхиора из Боркова, печати которого находятся при акцессионных актах рыцарства из гданьской, ленборской и пуцкой округ (оттиск одной из них публикует В. Engel, *Privatsiegel*, s. 4, Taf. I, nr 31).

чатей разделены на две группы: общие для каждого экземпляра (идентификация диспонента, размеры, иконография, легенда) и индивидуальные, характерные для отдельных оттисков (цвет воска, состояние сохранности, место привешивания). Информация, общая для обоих экземпляров, представлена единожды, а индивидуальные – отдельно для каждого оттиска¹. Дополнением описания являются фотографии, хранящиеся в интересующем нас собрании экземпляров оттисков печатей и рисунков публикуемых прорисей печатей. Такими являются материалы, которые исследователи берут с наиболее популярных издательств: Ф. А. Фоссберга – для городских печатей и Б.Энгля – для рыцарских печатей. Они должны составлять элемент, который соединит данные оттиски с предыдущими изданиями, а также позволит верифицировать более ранние распространенные прорисы с фактическим состоянием.

Влияние на форму формуляра примечания описи печати имело наконец еще одно явление, характерное для оттисков, находящихся при эрекционных документах Союза. На многих печатных мисочках, которые висят при обоих экземплярах документа, можно видеть более или менее читабельные надписи, идентифицирующие диспонента (имя или его сокращение; фамилия либо владельческая атрибуция – иногда тоже сокращенная, а в одном случае название округа, с которой он был связан; название города). Скорее всего, когда-то они находились на всех печатях. В большинстве случаев они были нанесены пером, а в двух случаях (Велява, Алемборк) – раскаленным острием. Полагаю, что в этих надписях нужно видеть следы приготовления к сигилляции акта, что составляет подсказку для идентификации диспонента, или лица, которое прикладывало печать, где должна быть оттиснута данная печать². К сожалению, сохранность большинства из них находится в плохом состоянии. Некоторые имеют при этом следы позднейшего ретуширования. К этому привело использования света UV, чтобы можно было более четко читать надписи. Оно показало слабочитабельные при дневном свете фрагменты надписей, а также следы по их коррекции. Ввиду значения этих надписей для реконструирования техники опечатывания

¹ Так, в соответствии с рекомендациями Международного сфрагистического комитета Международного совета архивов. См.: *Vocabulaire international de la sigillographie*, s. 21; *Vocabularium*, s. 66.

² Этому вопросу посвящено особое внимание, см.: М. Hlebionek, *Nie tylko inskrypcje. Napisy na pieczęciach przy akcie erekcyjnym Związku Pruskiego, «Сфрагистичний щорічник»*, Вип. VI, 2016, s. 52–67.

документа, решено в примечаниях описей печатей взять во внимание их фотографии, а тракскрипции подавать в блоке, предназначенном для археографического комментария.

Вернемся к одному из элементов описи, который принадлежит к категории общих для всех экземпляров, происходящих из одной матрицы. Речь идет прежде всего о лице диспонента. Этот казался бы очевидный элемент каталожного примечания в нашем случае оказался проблематичным. Похоже, как в случае с документами трактата, так и в группе интересующих нас документов Прусского Союза, многократно встречаемся с явлением каренции (замещения) печати¹. Каренция печати приводит к тому, что де факто мы имеем дело с двумя диспонентами печати: номинальным, имя которого находится на матрице, и фактическим, который употребил эту матрицу². Оставаясь в соответствии с буквой документа, к которому привешена данная печать, каренционные оттиски, как правило унаследованные матрицы печатей от отца, приписаны лицам, упоминаемым в документе с перечнем свидетелей, а не в легенде печати и информация о контексте исполнения оттиска представлена в археографическом комментарии. В связи с лицом диспонента появилась здесь еще одна проблема, связанная с определением формы записи отдельных фамилий. Ее появлению способствовала польская литература, занимающаяся историей государства крестоносцев, которая целеустремленно полонизировала и осовременивала фамилии героев интересующих нас событий³. Это, однако, противоречит источнику. Поэтому в

¹ В примере, использованная Симоном из Глажева печать, принадлежала пишущему из той же местности Сардеру (Александру). Он упоминается в источнике в 1405 году, был наверное его отцом (см.: *Słownik historyczno-geograficzny ziemi chełmińskiej w średniowieczu*, opr. M. Biskup, K. Porębska, M. Grzegorz, Wrocław 1971, s. 35); Наверное также отцовскую печать использовал Сандер Махвич, который под эрекционными документами оттиснул печать с легендой, указывающей, что ее диспонентом был некий «Conrad de Orin». Конрада встречаем в источниках за 1409–1423 года (AST, I, nr 30, s. 49; nr 146, s. 187; nr 325, s. 410, nr 482, s. 618; E. Joachim, W. Hubatsch, *Regesta historico-diplomatica ordinis S. Mariae Theutonicorum 1198–1525, Pars I, Regesten zum Ordensbriefarchiv*, Goettingen 1948–1950, nr 1634, s. 97; nr 3931, s. 247.); Печать отца – Якуба – использовал Ян Шьчиборович из Кацка, опечатавая документ вхождения в Союз гданьского рыцарства (O genealogii Jana zob. K. Bruski, *Lokalne elity*, s. 118; T. Rembalski, *Dzieje osadnictwa na terenie współczesnych gmin Gdynia i Kosakowo od XIII do XV w.* Gdańsk 2006, s. 105). Такие примеры многократны.

² M. Haisig, *Sfragistyka ogólna*, s. 102–105.

³ К прим. К.: Górski, *Związek pruski*, passim

первой версии издания как основная версия записи фамилий принята форма, которая отображена в источнике. Однако после консультаций с исследователями проблемы и принимая во внимание то, что работа предназначена для польского читателя, в качестве первичной формы названия диспонента принята польскоязычная версия; фамилия/название в форме источника представлена как альтернатива.

Учитывая слабое разграничение сфрагистики и рыцарской геральдики, а также городской, прусских земель значительные трудности ожидали при описи сфрагистических изображений. Проблемы этой категории можно разделить на две группы. Первая исходит из попыток специфической колонизации XV в. прусской геральдики и идентификации рыцарских гербов, находящихся на наших печатях, с гербами, известными на польских землях. Это привело к тому, что в основном в прошлых публикациях встречаемся с ошибочными описаниями, которые влияли и влияют на современные исследования, хотя не выдерживают сравнения с источниками. Вторую группу проблем вызывало выступление специфических элементов в геральдике прусского рыцарства и городов, не поддающихся описанию в категориях как польской, так и немецкой геральдики. Примером могут служить печати Шимона из Глажева и Яна Уздовского, на которых в эмблемах изображены шпорные звезды (известные в немецкой геральдике, но не появляющиеся в польских гербах)¹, Гюнтера из Дылева и Шьчибора из Лебуни с мечами для охоты на кабанов (*Sauschwert*)², а также Будзиша из Зеленок и Николая из Закужева³, на которых изображены, вероятно, боевые молоты. В средневековой геральдике польских земель такие элементы не появляются вообще. К редко встречаемым предметам принадлежат щучьи челюсти, выступающие на печатях Петера Толцка, возможные в идентификации благодаря тому, что появляются также в гербе семьи Люзьяньских, активной еще в период нового времени⁴. Беспомощными становимся перед известными эмблемами из печати Николая из Горовых, Филипа

¹ Прориси публикует В. Engel, *Privatsiegel*, s. 9, Taf. I, nr 9; s. 22, Taf. I, nr 10.

² Прориси публикует В. Engel, *Privatsiegel*, s. 6, Taf. II, nr 70; Taf. II, nr 105; касательно идентификации эмблемы. См.: W. Boheim, *Handbuch der Waffenkunde*. Leipzig 1890, s. 255–256.

³ Прориси обеих публикует В. Engel, *Privatsiegel*, s. 9, Taf. II, 106; s. 18, Taf. III, nr 191.

⁴ Прорись публикует В. Engel, *Privatsiegel*, s. 22, Taf. IV, 237; касательно идентификации эмблемы см.: J. K. Dachnowski, *Herbarz szlachty Prus Królewskich z XVII w.* wyd. Z. . Pentek, Kórnik 1995, s. 14.

Безледзкого или Якуба Тринцке¹, о генезисе и значении которых можем только догадываться.

Отдельную исследовательскую проблему, хотя может в меньшей степени археографическую, составляет сохраненный при эрекционном документе Союза оттиск большой печати Гданьска. От оставшихся привешенных в этом дипломе она выделяется прежде всего красным цветом воска, в которой оттиснута. Привилегию печатания в красном воске город получил только в пятидесятые года XV в. К этому времени исследователи относят хронологическую черту изготовления матрицы, с которой сделан оттиск. А его первое (исключая эрекционный акт Союза, который не приняли во внимание исследователи гданьской сфрагистики) использование датировано 1457 г.² Этот памятник как бы должен отодвинуть хронологию матрицы, если бы не анахроничное использование красного воска, которое в свою очередь может предполагать подмену печати на более престижную, уже после получения городом упомянутой привилегии. Однако следует подчеркнуть, что ни осмотр миски, ремня не показал следов манипуляции оттиском. Кроме не типичного цвета воска, единственная подсказка, увазывающая на возможное позднейшее привешивание этой печати, это – отсутствие следов надписи на миске, которые на городских печатях, как правило, хотя не всегда, но выступают.

Представленный выше опыт на основе археографических изданий двух многопечатных документов показывает, что проблемы, связанные с публикацией таких материалов, следует рассматривать на трех уровнях. Первый из них – это аккумуляция сложностей, с которыми встречаемся, издавая также отдельные печати. К ним принадлежат вопросы идентификации диспонента, надлежащего прочтения и описания отдельных оттисков. Второй уровень исходит из того, что каждый многопечатный диплом является феноменом. А для его формирования искали характерные, неизвестные ранее в данной канцелярии решения, которые находили отображения в технике опечатывания, а также в группировке печатей, структурировании их собрания. Понимание этих условий должно составлять фундамент, на котором будет построено издание. И поэтому к каждому многопечатному документу следует под-

¹ Прорись публикует В. Engel, *Privatsiegel*, s. 19, Taf. III, nr 207; s. 2, Taf. I, 19; s. 22, taf. IV, nr 239.

² В. Możejko, *Przywileje Kazimierza Jagiellończyka z 1457r. dla Gdańska a zmiany heraldycznego wizerunku miasta*, в: *Okręt Kościoła z gdańskiego Dworu Artusa*, Gdańsk 2008, s. 19–21.

ходить индивидуально. И, наконец, третий уровень, будучи фактически исходным двух предыдущих; он связан с необходимостью уловить и показать контексты формирования документа и его опечатавание как целостности, а также появления при нем каждого отдельного оттиска и функций, которые они исполняли при документе.

Евтухов И. О.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь)

ПРОПАВШАЯ ГРАМОТА: БОРЬБА ЗА НАСЛЕДСТВО В АНГЛОСАКСОНСКОЙ АНГЛИИ X в.

Линда Толлертон, издавшая свою успешно защищенную в Йоркском университете диссертацию (PhD) в виде монографии «Завещания и составление завещаний в англосаксонской Англии» (2011) [1] отмечает, что процесс оформления завещания имел многоступенчатый характер, причем каждый этап был публичным (происходил в присутствии свидетелей). Венчало оформление одобрение (confirmation) светской властью (secular authority) [1, p. 67], которое фиксировалось в виде хартии на землю. Ненадлежащее оформление документа переводило завещание в разряд спорных. В этом случае наследникам приходилось вступать в борьбу за наследство. Именно с такой проблемой столкнулась Эадгифу (ум. 968), занимавшая видное место в англосаксонском обществе первой половины X в.: жена короля Эдварда Старшего (замуж вышла в 919 г., овдовела в 924 г.), мать королей Эдмунда и Эадреда, бабушка королей Эдви и Эдгара [2, p. 146]. Ее многолетняя борьба за отцовское наследство отражена в хартии S 1211. Источник использовался по сборнику «Избранные английские исторические документы девятого и десятого веков» (1914), подготовленному Флоренс Хармер [3].

Исследования, специально посвященные хартии S 1211 в англоязычной историографии отсутствуют. Большинство авторов, затрагивающих документ, ограничиваются пересказом обстоятельств, связанных с наследством Эадгифы. Выводы, тем не менее, присутствуют. В частности, внимания заслуживает подчеркивание важности формата хартии. Хелен Форбс отмечает, что хартии сами себе «имеют символическую и материальную ценность в качестве доказательства права собственности, и в этом смысле их содержание может рассматриваться как менее значимое (less significant), чем само существование хартии» [4, p. 225]. Скотт Смит обратил внимание на заключительный пассаж хартии